

Илья Дементьев

«Груда неразобранных имен»:

ПРУССКИЙ ПОДТЕКСТ В «ХАЗАРСКОМ СЛОВАРЕ»

МИЛОРАДА ПАВИЧА¹

Ilya Dementev

“A Pile of Random Names”: Prussian Subtext in Milorad Pavić’s *Dictionary of the Khazars*

Илья Дементьев (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, доцент; кандидат исторических наук) idementev@kantiana.ru.

Ilya Dementev (Kant Baltic Federal University, Assistant Professor, Institute of the Humanities; PhD) idementev@kantiana.ru.

Ключевые слова: анаграмма, Милорад Павич, прусский подтекст, *Хазарский словарь*

Key words: anagram, Milorad Pavić, Prussian subtext, *Dictionary of the Khazars*

УДК: 82.09

UDC: 82.09

Статья посвящена прусскому подтексту романа Милорада Павича «Хазарский словарь». Выявлены эксплицитные и имплицитные отсылки к прусским реалиям в произведении. На основе мультязыкового анаграмматического кода предложена новая интерпретация ряда имен персонажей и топонимов в романе. Определено значение прусского подтекста в реализации авторской концепции в «Хазарском словаре».

The paper explores the Prussian subtext of Milorad Pavić’s novel *Dictionary of the Khazars*. The author reveals explicit and implicit references to “Prussian reality” in the novel. Based upon multilingual anagrammatic code, the author also proposes a new interpretation of a number character names and toponyms in the novel. The significance of the Prussian subtext in the implementation of the author’s concept in the *Dictionary of the Khazars* is evaluated.

Сначала «Хазарский словарь» кажется грудой неразобранных букв, имен и псевдонимов... Но со временем, одевшись, можно получить от него гораздо больше...

М. Павич. Хазарский словарь

Роман Милорада Павича «Хазарский словарь» (ХС; 1984), ставший классикой постмодернистской литературы, неизменно пользуется популярностью как у читателей, так и у исследователей. В его сюжете переплетены исторические сведения и фикция, наряду с реальными персонажами фигурируют вымышленные, но особый интерес вызывают исторические деятели с фальшивыми биографиями. Комбинирование реалий и вымысла считается одной из характерных черт творчества писателя [Leitner 1994: 98; Svetanović 2002: 99—100; Живковић 2010: 221].

Запутанный сюжет романа стимулировал разнообразные интерпретации. Самое очевидное объяснение смысла произведения фокусируется на образе исторических хазар и факте выбора ими веры. Однако многие исследователи

1 Выражаю благодарность П.Е. Фокину, с которым мы многие годы делим интерес к творчеству Павича, за ценные замечания, сделанные к первой редакции этой статьи.

пытались дать альтернативные трактовки сюжета — анализировали ключевой эпизод собирания по буквам небесного тела прачеловека Адама Кадмона, выявляли отсылки к югославской истории и культуре и т. п. [Kilaberia 2003: 4—5]. Сам писатель в одном из интервью середины 1980-х годов отметил, что хазары — это «метафора маленького народа, выживающего между великими державами и великими религиями» (цит. по: [Aleksić 2007: 94]). Это побудило некоторых специалистов сосредоточиться на изучении балканского подтекста ХС. Кроме того, Павич намекал на семейную историю: в XVII веке его предки были насильственно обращены в католичество, позднее некоторые из них вернулись в православие. Сюжет конверсии, таким образом, был важен для него лично, что также предопределяло характер интерпретаций романа [Leitner 1994: 81; Kilaberia 2003: 40].

В 1997 году Э. Вахтель опубликовал статью с эпатажным названием «Постмодернизм как кошмар: литературное разрушение Югославии Милорадом Павичем». По его мнению, хотя Югославия и отсутствует в романе на уровне сюжета, эта тема подразумевается автором [Wachtel 1997: 632]. Оттолкнувшись от тезиса Ж.Ф. Лиотара о нелегитимности метанарративов в условиях постмодернизма, Вахтель пришел к заключению о том, что Павич реализовал ту же идею в югославском контексте: поскольку разные локальные нарративы несовместимы, их место занимают языковые игры. Так появляются три самостоятельных романа (еврейская, мусульманская и христианская версии ХС, которые невозможно примирить друг с другом). Действие происходит не только в Средние века, но также в конце XVII и в конце XX века. И в двух последних случаях сюжеты сходны: представители разных религий пытаются встретиться и воссоздать правду о хазарской истории, но в итоге все рушится. Как полагает Вахтель, по Павичу, стремление к синтезу — утопическая задача: когда цель достигнута, вместо совершенного знания наступает немедленная смерть [Wachtel 1997: 636].

Подход Вахтеля вызвал критику со стороны Т. Алексич, упрекнувшей исследователя в игнорировании всей постмодернистской традиции до Павича. Сам писатель менял трактовку хазарской метафоры: если в середине 1980-х годов он говорил о том, что хазары символизируют любой народ, ставший жертвой конфликтующих идеологий, то в 1990-х уже прямо предлагал видеть в хазарах сербов [Aleksić 2009: 87—88]. В отличие от Вахтеля, Алексич усматривает в романе не модель распада Югославского государства, а сложное взаимодействие взаимоисключающих сил постоянной фрагментации и воссоздания целостности [Aleksić 2009: 88]. Постструктуралистское чтение Алексич, которая изучает «напряжение между объединяющими силами, лежащими в основе текста, и теми, которые пытаются расчлнить нарратив» [Aleksić 2009: 91], представляется мне перспективным. Такой «усложняющий» подход к роману открывает возможность выявления различных подтекстов, на которые ранее исследователи не обращали внимания.

Вызывает удивление тот факт, что до сих пор все писавшие о ХС игнорировали *пруссский подтекст* в романе. Нужно оговориться, что «пруссский текст» в русской литературе — вполне легитимный объект исследовательского интереса. В сознании интеллектуалов послепетровской России Пруссия, а с конца XVIII века Восточная Пруссия со столицей в Кёнигсберге (с 1946 года — Калининград), была одним из значимых топосов — местом встречи российской и западной культур. Этот текст образуют очень разные произведения — «Жизнь

и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Прусские ночи» А.И. Солженицына, «Кёнигсбергский цикл» И.А. Бродского, сборник «Прусская невеста» Ю.В. Буйды, повесть «Нога моего отца» З.Е. Зиника и др.

Однако консенсуса по поводу интерпретации этого феномена нет. Изначально внимание исследователей было приковано к тому, как в русской литературе отражается проблематика освоения новых жителей в чужом культурном ландшафте, а в более общем плане — к разным измерениям диалога культур в русско-немецком пограничье. Т. Венцлова ввел понятие «кёнигсбергского текста русской литературы» по аналогии с петербургским или московским текстами, хотя признал, что говорить о нем, «вероятно, было бы преувеличением» [Венцлова 2002: 48] (идеи Венцловой на материале новейшей русской литературы развиты в работе: [Blacker 2015]). Анализируя стихотворения Иосифа Бродского, Венцлова применяет и другой термин — «кёнигсбергский код» [Венцлова 2002: 55]. Л.М. Гаврилина, также отталкиваясь от стихотворений Бродского, предложила говорить о «калининградском тексте», который она определяет как «локальный свертхтекст, выполняющий функцию метатекста по отношению ко множеству посвященных Калининграду субтекстов» [Гаврилина 2011: 82]. Таким образом, этот текст значим как для русской литературы в целом, так и для региональной идентичности.

Между тем многие исследователи ощущали дискомфорт, обусловленный необходимостью выбора между названиями *Кёнигсберг* и *Калининград* в определении текста. Его попыталась избежать К. Гааль, констатируя, что в литературе последних десятилетий «Кёнигсберг выступает как мотив недостижимого прошлого, тогда как Калининград служит метафорой пустоты идеологического режима» [Gaál 2015: 251]. Это, по ее мнению, делает неприемлемым применение термина «кёнигсбергский текст» (который вполне уместен в случае Бродского, для которого руинированное прусское прошлое служило точкой отсчета для настоящего) и требует нового обозначения специфического нарратива — она предлагает назвать его «нарратив города К.» (редукция наименования города к первой букве не изобретена Бродским, а применялась задолго до 1946 года, еще в сочинениях Э.Т.А. Гофмана [Венцлова 2002: 56]). Анализ произведений новейшей русской словесности подводит исследовательницу к выводу о присущих *нарративу города К.* мотивах «безродности, пустоты, зависимости и травмы», выражающих разрыв между пространством и временем [Gaál 2015: 259].

В новейшей работе Э. Сондерс обосновал отказ от структуралистского подхода, предлагающего зафиксированный в литературе стандарт «воображения города», где множество мотивов строится и укрепляется путем многократного повторения и цитирования. Исследователь настаивает на продуктивности более открытого анализа репрезентаций Кёнигсберга/Калининграда в отношении к холодной войне и постсоветским контекстам с акцентом на стратегиях памяти, ностальгии и городской репрезентации [Saunders 2019: 13]. Такой более общий подход, по его мнению, помогает избежать ограничений, обусловленных или прямыми отсылками к современному Калининграду, или сугубо «национальной филологией». Сондерс рассматривает репрезентации этого места в творчестве Б. Брехта, И. Бобровского, И. Бродского и других авторов.

Таким образом, в современных исследованиях отчетливо проявляются две взаимосвязанные тенденции, отражающие нарастающее понимание условности *границ*. С одной стороны, невозможно найти один топоним для определе-

ния текста: выбор между Калининградом и Кёнигсбергом так же бесперспективен, как предпочтение столицы окружающему ее региону. В конечном счете одно из трех стихотворений «кёнигсбергского цикла» Бродского посвящено вовсе не городу К., а Балтийску (до 1946 года — Пиллау). Едва ли не более значимым, чем Кёнигсберг, для русской литературы второй половины XIX — первой половины XX века пунктом в Восточной Пруссии был Эйдткунен (современный пос. Чернышевское Калининградской области) (см. о роли Эйдткунена в русско-германских отношениях: [Musekamp 2019]).

С другой стороны, обсуждаемый текст — условно назовем его (п)русским — выходит за рамки национальной литературы, русской или немецкой, развиваясь как минимум в европейской литературе в целом. Характерно, что интерес западных авторов к (п)русскому пограничью обострился после 1945 года, когда немецкая провинция, разделенная между Советским Союзом и Польшей, претерпела радикальную смену культур. Наряду с немецкими, польскими и литовскими авторами, внимание которых к истории этой земли легко объяснимо, регион стал местом действия произведений М. Турнье, Ж.Л. Лагарса, М. Кундеры и других писателей, далеких от российского эксклава на Балтике как в культурном, так и в географическом плане.

Предварительно можно определить (п)русский текст как совокупность репрезентаций Кёнигсберга/Калининграда и окружающей его территории в европейской (включая русскую) литературе, значимых одновременно и для регионального самосознания, и для национальных литератур, и для общеевропейской идентичности. Значимость эта обнаружила себя именно после окончания Второй мировой войны, когда возникшее здесь напряжение между разными культурами, конкурирующими нарративами, способами описания прошлого и настоящего выявило исключительно важный в контексте европейского исторического опыта потенциал тексто- и смыслопорождения.

Принадлежит к ряду писателей, участвовавших в формировании этого текста, и Милорад Павич. Значимость прусского подтекста для ХС обосновывается двумя аргументами. Во-первых, разнообразные отсылки к прусским реалиям носят эксплицитный характер. Некоторые аллюзии относятся к более общему контексту, например переводы стихов Иегуды Халеви, выполненные Гердером в XVIII веке (312 / 247)². Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803) родился в Пруссии и окончил Кёнигсбергский университет, после чего покинул родину. Он действительно переводил стихи Иегуды Халеви и даже упомянул его сочинение о хазарах в «О духе еврейской поэзии», пояснив, что образцом для книги, построенной в форме диалогов, он выбрал не Платона, а «Книгу хазар» (*das Buch Cosri*) и Катехизис [Herder 1782: xii].

Другая возможная отсылка к прусским реалиям — янтарь, яркий образ которого появляется в одном из сравнений. В финале ХС упомянуто насекомое в янтаре: «У доктора Муавии была детская улыбка, плененная бородой, как жучок — янтарем, и освещенная зеленью грустных глаз» (в оригинале «као кукаџ и џilibar»), «как насекомое в янтаре») (375 / 297). Строго говоря, сербское слово *џilibar*, как и аналоги в других языках Балканского полуострова, восходит к турецкому *kelibar* [Поленатовиќ 2007: 146], которое, в свою очередь, возводит генеалогию к среднеперсидскому *kah-rubāy* ‘янтарь’ [MacKenzie 1971: 48], т.е. эта

2 Здесь и далее роман М. Павича цитируется по изданиям с указанием в круглых скобках номеров страниц в изданиях [Павич 1997] / [Pavić 1997] соответственно.

лексема отсылает скорее к восточным, нежели к балтийским реалиям. С другой стороны, наличие включений в янтаре (в том числе насекомых) — типичная черта прусских коллекций как минимум со времени Реформации. К известным коллекционерам XVI века относились А. Аурифабер, И. Полиандер и И. Виганд (Кёнигсберг), семейство Яски (Данциг), и у всех в коллекции были янтари с инклюзами в виде насекомых. Более того, в ряде случаев в кусках янтара встречались лягушки или ящерицы, и это обстоятельство вызывало уже в XVI веке дискуссии по поводу того, были ли эти инклюзы «чудесами природы» или фальсификатами [Полякова 2018: 77—85]. В этом смысле аллюзия на «жучка в янтаре» может открывать новую перспективу в интерпретации одного из лейтмотивов ХС — репрезентации зыбкой границы между реальностью и фикцией.

Однако самый убедительный аргумент в пользу важности прусских реалий, который почему-то игнорируют исследователи, состоит в том, что первое издание ХС (*Lexicon cosri*) якобы вышло в 1691 году в прусской столице — Кёнигсберге, в типографии Иоганна Даубманнуса. Значение этого факта подчеркивают имитация титульного листа первого издания в самом начале ХС и многочисленные (более 80) упоминания имени типографа в тексте. Ему посвящена отдельная статья, в которой допущена фактическая ошибка: Даубманнус определен как «польский книгоиздатель» (*poljski štampar*), выпустивший в первой половине XVII века польско-латинский словарь; то же имя стоит на первой странице ХС 1691 года (237 / 192). Основной материал Даубманнус получил от восточнохристианского монаха, но потом существенно дополнил его, поэтому может считаться редактором словаря, напечатанного на пяти языках. «Один немецкий источник», запутывает читателя Павич, сообщает, что было два разных Иоганна Даубманнуса — старший в первой половине XVII века и младший во второй половине того же столетия. Последнего первоначально звали Яков Там Давид Бен Яхья, он работал под началом первого, но, будучи проклят, сильно заболел. Даубманнус отправил его на лечение, и по возвращении ученик принял имя своего благодетеля (238—239 / 192—193). Позже Даубманнус-младший унаследовал типографию, в которой и был напечатан *Lexicon cosri*. Основной тираж словаря был уничтожен инквизицией, но один экземпляр передавался по наследству в прусской семье Дорфмеров вплоть до XVIII века (15, 17 / 15, 17).

Иоганн Даубманн (*Johann Daubmann*), или Даубманнус, — это исторически известная личность, хотя время его жизни указано у Павича неверно [Leitner 1994: 176—179]. Обычно исследователи не интерпретируют анахронизм в его биографии, сосредоточиваясь на том, что хазарского словаря среди изданий реального Даубманнуса не было [Ристовић 2015: 168]. Интерес к этому персонажу не очень велик: иногда интерпретаторы даже допускают ошибки в изложении сюжета (например, А. Ляйтнер утверждает, что типограф происходил из Лемберга/Львова [Leitner 1994: 79]). Я. Михайлович подчеркивает важную роль Даубманнуса в разграничении фактического и вымышленного в романе [Михајловић 1992], а К. Олах видит значение этого персонажа в том, что он выступает как «еретик» в отношении целостности и уникальности текста [Олах 2012: 149], но дальше в интерпретации этого образа они не продвигаются. Я полагаю, что трактовка роли Даубманнуса требует более внимательного изучения его биографии.

Реальный Иоганн Даубманн жил в XVI веке и был типографом при герцоге Альбрехте в Пруссии, а не «польским книгоиздателем» (хотя де-юре герцог-

ство Пруссия находилось в вассальной зависимости от польской короны). Он происходил из Торгау в Саксонии [Benzing 1957; Sanjosé 1993: 27—31], работал в 1545—1553 годах в Нюрнберге, в 1554-м переехал в Пруссию, где и умер в 1573 году. Его дело унаследовал сын — Бонифаций Даубманн (А. Ляйтнер видит в этом параллель к истории Даубманнуса-младшего [Leitner 1994: 179]), а позднее типографию приобрел зять Иоганна Даубманна Георг Остербергер (1542—1602). В XVII веке она еще несколько раз переходила из рук в руки.

На первый взгляд, история с уничтожением инквизицией пятисот экземпляров выпущенного в Кёнигсберге словаря выглядит совершенно нереальной. Юрисдикция инквизиции распространялась только на католический мир, причем в разных странах ее влияние было различным. В отдельных немецких землях она превратилась в номинальный институт уже к концу XV века [Lea 2010: 423—425], а в Пруссии, ставшей в 1525 году протестантским государством, инквизиция вообще не имела никакой силы. Уничтожение словаря могло произойти только в том случае, если бы издатель сознательно адресовал весь тираж читателям, проживавшим далеко за пределами Пруссии, в зоне влияния католической инквизиции. В каких обстоятельствах это могло произойти?

Для ответа на этот вопрос требуется рассмотреть корпус издававшихся реальным Даубманнусом книг. Он действительно выпускал словари [Körber 1998], хотя хазарского среди них нет. В 1564 году в типографии Даубманнуса увидел свет латинско-польский словарь (*Lexicon latino-polonicum*) лексикографа-протестанта Яна Мончиньского [Maćzyński 1564]. Последний (Jan Maćzynski, ок. 1515 — ок. 1587) в 1603 году вошел как автор в первый польский список запрещенных книг [Guzowski 2002: 192]. Даубманнус публиковал и трехязычные словари — в частности, латинско-польско-немецкий словарь (1570). Однако в его издательской практике внимания заслуживают не только лексиконы.

Кёнигсбергский типограф сотрудничал с видным деятелем реформационного движения итальянского происхождения Пьетро Паоло Верджеро (1498—1565). В 1556—1557 годах Верджеро путешествовал по Польше и оказался в Кёнигсберге, где инициировал издание Даубманнусом ряда книг, включая «Каталог еретиков» — фальшивый индекс запрещенных книг [Sembzucki 1890: 514—515]. Протестанты осуществляли подпольное издание таких индексов в XVI—XVII веках. Распространение подобных публикаций вписывалось в общий контекст межконфессиональной борьбы: подделки выступали средством борьбы с католической цензурой. Предисловия к ним содержали критику практики создания индексов; с другой стороны, таким образом стимулировался читательский интерес; наконец, это был способ предупреждения читателей о книгах, которые могут вызывать подозрения у инквизиторов. Складывался масштабный рынок запрещенной литературы в католических странах, и протестантские индексы помогали экспортерам книг конспирироваться и доставлять продукцию по назначению [Bonnant 1969: 620—621].

Подготовленный Верджеро «Каталог еретиков» (*Catalogus haereticorum aeditus Venetijs de commissione tribunalis sanctissimae Inquisitionis apud Gabrielem Iulitum & fratres de Ferraris cum annotationibus Athanasij*) был издан в 1556 году в Кёнигсберге (Regio Monte Borussiae) [Vergerio 1556; Bonnant 1969: 626]. Его экземпляр хранится сегодня в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, на сайте библиотеки доступна оцифрованная версия. Другое издание каталога еретиков с предисловием Верджеро было напечатано Даубманнусом в 1560 году [Bonnant 1969: 626].

Таким образом, Даубманнус был издателем и реальных словарей, и фальшивых индексов книг. Эта биографическая деталь делает его подходящим кандидатом на роль издателя фальшивого лексикона хазар, уничтоженного инквизицией. Характерно, что Павич, будучи специалистом по истории барочной литературы, допускает ошибку в написании города на латыни — *Regiemonti* вместо *Regiomonti*. Эта ошибка воспроизводится и на титульном листе издания 1691 года, и в примечаниях в тексте (5, 81, 279, 317 / 5, 102, 222, 250). Однако в целом структура библиографического описания на фальшивом титуле и в реальных книгах Даубманнуса почти совпадает — не может быть сомнений в том, что Павич видел настоящие титульные листы изданий прусского печатника. Намеренно сделанная ошибка подчеркивает фиктивный характер издания.

Во-вторых, помимо эксплицитных указаний значимость прусского подтекста подтверждает применяемый Павичем мультязыковой анаграмматический код (об этом способе текстопорождения на основе перехода от скрытого уровня семантики к явному см. работы: [Дмитровская 2014; 2016]). Интерес Павича к анаграммированию обсуждался в литературе: Д.Р. Живкович показал, что анаграммы у Павича не только носят криптографический характер, но и помогают читателю вступить в своеобразное сотрудничество с автором [Живкович 2010: 95]. В ХС Павич намекает на перспективу дешифровки анаграмм, обсуждая издание словаря Даубманнуса, в переплет которого были вставлены песочные часы, изобретенные Нехамой, знатоком «Зохар» (16 / 16). «Зохар» («Зоар») — один из ключевых источников каббалистического учения, в котором предлагается применять метод анаграммирования (темура) для интерпретации Пятикнижия.

Я полагаю, что анаграмматический код позволяет объяснить выбор романистом Пруссии в качестве места издания ХС. Эта версия не противоречит результатам работы по выявлению югославского подтекста романа: Пруссия (латинское название *Borussia*) — нестрогая анаграмма топонима Сербия (*Serbia*) с опорой на буквосочетание BRS. Обсуждаемая параллель также поддерживается тюркским названием хазар — *сабир*, *Sabir* (221 / 173).

Столица Пруссии Кёнигсберг в романе не упоминается ни разу, однако это типичная фигура умолчания. Выбор названий городов, в которых происходят различные события романа, не случаен: мастер аллюзий, Павич задает особую оптику, в которой Кёнигсберг высвечивается в других пространствах. Во-первых, в романе присутствует латинская версия его названия — *Regiemonti*, хотя и с ошибкой. *Königsberg* означает по-немецки ‘королевская гора’, и с учетом этого важно присмотреться к топографии романа, где появляются названия городов, связанные с семантикой монархической власти. Прежде всего обращает на себя внимание швейцарский Базель, в котором в 1660 году был отпечатан перевод книги Иуды Халеви о хазарах, выполненный Джоном Буксторфом (280 / 222). В книге воспроизведен титульный лист этого издания, имеющего своеобразную параллель с кёнигсбергским ХС. Внизу титульного листа указано место издания — *Basilea*. Это латинское название города — *Basilia willa*, «царское», или «цезарево место», позже просто «царская» (от греч. βασιλεύς ‘царь’). С этимологической точки зрения Базель — это царский город, *царьград*.

Важную роль в композиции романа играет город Регенсбург: если Кёнигсберг открывает ХС, то Регенсбург наряду с Белградом как место написания романа закрывает его. Латинское название города *Castra Regina* (буквально ‘лагерь на реке Реген’) переосмысливается с учетом лат. *regens* ‘правлящий,

властелин' и немецкого *Burg* 'крепость' (близко к названию *Regiomonti*). Название города Львова (серб. *Лавов*, лат. *Leopolis*, т.е. город *царя зверей*) также поддерживает семантический комплекс монархической власти: в начале романа упомянуты сделанные во Львове в XVII веке дневниковые записи по поводу словаря Даубманнуса (16 / 16).

В романе неоднократно фигурирует Иерусалим, где, в частности, живет профессор Дорота Шульц. Самуэль Коэн мечтает попасть в «этот город на берегу времени», однако выясняется, что Иерусалим во снах Коэна — это «вовсе не святой город, а Царьград» (248 / 198). Автор подчеркивает оппозицию святости и монархической власти. Двойник святого города — царский город (Константинополь, Стамбул), это также важное место действия: именно в Стамбуле происходит последняя встреча расшифровщиков словаря в 1982 году. Характерно, что трагическая гибель героев локализуется в стамбульском отеле, который называется «Кингстон» (*Kingston*) (372 / 295). Название гостиницы также встраивается в обсуждаемый семантический комплекс: *Кингстон* — распространённый топоним, иногда это *Kingstown* — 'королевский город', т.е. царьград, в других случаях — *Kingston(e)* 'королевский камень'. Павич не мог не заметить, что английское *king*, как и немецкое *König*, — это анаграмма титула правителя хазар — кагана (сербское *kagan*). Кёнигсберг, таким образом, может быть истолкован как гора кагана или крепость кагана, столица каганата. Дополняет ряд анаграмм *König / king / kagan* имя одного из авторов ХС Самуэля Коэна (*Coen*, англ. *Cohen*), умершего по пути в Царьград (246 / 197). В конечном счете очевидно, что семантика монархической власти на возвышении для Павича в этом романе важна, и Кёнигсберг с многочисленными двойниками становится «точкой входа» в сюжет ХС.

Анаграмматическое кодирование, возможно, применено Павичем и в случае с прусской фамилией Дорфмер. Я предполагаю, что Павич шифрует в этом слове имя немецкого писателя и самого известного (после И. Канта) уроженца Кёнигсберга — Эрнста Теодора Амадея (Вильгельма) Гофмана (1776—1822). Все буквы фамилии ДОРФМЕР содержатся в имени Гофмана в сербской транслитерации (Ернст Теодор Вилхелм Хофман), в правильной последовательности, хотя и с нарушением порядка: теодОР хоФМан ЕРнст³. Дополнительный аргумент состоит в том, что в фамилии отчетливо просматривается корень *Dorf* (нем. 'деревня'), который семантически сближается с нем. *Hof* 'двор': древневерхненем. *dorf, thorf* имело оба этих значения [Köbler 1995: 89]. Кроме того, фамилия Дорфмер созвучна девичьей фамилии матери Гофмана — Дёрфер (*Doerffer*) [Kremer 2009: 1].

В биографии Гофмана также обращает на себя внимание факт инициативной перемены автономии: третье имя Вильгельм он заменил на Амадей — в знак преклонения перед гением Моцарта [Kremer 2009: 5]. Значимость мотива переименования в ХС подчеркивается и историей Даубманнуса-младшего, и упоминанием реального эпизода, когда сестра хазарского кагана, вступив в брак с Юстинианом II, переходит «в греческую веру» и берет себе имя *Теодора* (134 / 104).

3 Аналогично тому, как Ф. де Соссюр в сатурновом стихе, написанном на гробнице Сципиона Бородатого, обнаруживал закодированное имя *Scipio: tauraSia CIsauna SamnIO cePlt*. С этого наблюдения начинается история Соссюровой теории анаграмм [Иванов 1977: 635].

Есть основания видеть в Дорф-мере и Хоф-мане двойников. Эстетика двойничества, которая считается характерной для творчества Э.Т.А. Гофмана, близка и Павичу: в хазарском царстве было два кагана-сопровителя (см. о мотиве двойников в ХС: [Кабел 1989; Leitner 1994: 96; Живковий 2010: 260]). Некоторые детали семейной истории Дорфмеров находят параллели в сюжете повести Гофмана «Майорат» (1817), действие которой разворачивается в XVIII веке в прусском замке Росситтен (сейчас пос. Рыбачий Калининградской области) [Гофман 1996]. Совпадает ряд элементов сюжета: место и время жизни Дорфмеров (Пруссия, XVIII век); тяжба о семейном наследстве; принцип наследования (у Гофмана — майорат, то есть исключительное наследование старшим сыном; у Павича, наоборот, «старший сын получал половину книги, а его братья и сестры по четверти — или меньше, если детей было много» (15 / 15)). Сама готическая атмосфера гофмановской повести — появление призрака в момент чтения рассказчиком книги — соотносится с обстоятельствами владения Дорфмерами словарем, издававшим «странный шум» (16 / 16). Барон фон Р., герой «Майората», предавался занятиям чернокнижием и «волхвовал по звездам» в своей башне [Гофман 1996: 40, 82], и вполне можно предположить, что в его библиотеке могли находиться издания реального Даубманнуса.

Почему же Павич решил приписать первое издание ХС именно кёнигсбергскому типографу? Писателя могла привлечь Пруссия — страна, получившая название по племени пруссов, которые растворились в истории по мере наступления католицизма. Эта параллель к судьбе хазар вполне отвечала его концепции маленького народа, втянутого в процесс соперничества крупных игроков. Утраченный язык, распавшаяся идентичность, смена веры — само место деятельности исторического Даубманнуса неоднократно было отмечено этими сюжетами. Еще более впечатляющей стала судьба Пруссии после Второй мировой войны, когда немецкая провинция, в свою очередь, превратилась в руину.

Эта метафорика, кстати, не чужда Павичу: среди руин бродят персонажи новеллы о Петкутине и Калине (Kalina). Они заходят в развалины римского театра и пытаются прочесть имена владельцев мест (50 / 44). Обреченность на поиск следов мертвых — характерная черта города Калины и Петкутина, то есть в некотором смысле *Калинина города*, Калининграда. Хазарский каганат, таким образом, — удачная метафора для дважды исчезнувшей Пруссии.

Павича мог привлечь и другой аспект исторического опыта этой территории. Пруссия, так же как и многие балканские страны, отличалась сложной конфессиональной историей. Земли пруссов-язычников стали объектом экспансии католического Тевтонского ордена в XIII веке, который сформировал на них свое государство; в XVI веке здесь возникло светское протестантское герцогство с лютеранством в статусе официальной религии, а после Второй мировой войны — с почти тотальной сменой населения — в основной части Восточной Пруссии, современной Калининградской области, утвердился государственный атеизм (первая православная община была зарегистрирована лишь в 1985 году — на следующий год после издания романа Павича). Так синхронный аспект исторического опыта дополняется диахронным: у хазар одновременно сосуществовали разные религии, Пруссия — это пространство последовательной смены религий во времени.

Сюжет романа разворачивается в трех временах, что находит параллель в истории реабилитации пруссов — народа, потерпевшего поражение в неравной борьбе с орденом. Реабилитация происходит дважды — в XVI веке, в эпоху

реального Даубманнуса, когда в герцогстве пробуждается интерес к прусскому языку (типограф печатает катехизисы на прусском языке по поручению герцога), и во второй половине XX века, когда немецкой государственности на этой территории был положен конец. И пруссы, и Кёнигсберг как город кагана — аналог Царьграда на севере Европы, и реальный Даубманнус, издатель фальшивых каталогов и трехязычных словарей, находились в фокусе внимания Павича.

Д.Р. Живкович отметил парадокс ХС: жанр словаря предполагает однозначность, но роман Павича весь наполнен двусмысленностями [Живковић 2010: 289]. «Только тот, кто сумеет в правильном порядке прочесть все части книги, сможет заново воссоздать мир», — пишет Павич (20 / 19), хотя, возможно, никакого «правильного порядка» нет. «Груду неразобранных имен», которую нагромоздил автор ХС, придется разбирать каждому новому поколению читателей. Прусский подтекст далеко не единственный в этом сложном произведении, но он имеет особое значение, поскольку позволяет придать дополнительное измерение важным элементам авторского замысла — семантике власти, мотиву двойничества, образу руин. Есть основания полагать, что количество интерпретаций ХС и далее будет множиться, сообщая бессмертие культурам, казалось бы, ушедшим в небытие на фоне становления и распада великих держав.

Калининград, Регенсбург, Белград, Калининград, 2013—2019

Библиография / References

- [Венцлова 2002] — *Венцлова Т.* «Кенигсбергский текст» русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского // Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 43—63.
- (*Venclova T.* "Kenigsbergski tekst" ruskoj literatury i kenigsbergskie stihhi Iosifa Brodskogo // Kak rabotaet stikhotvorenije Brodskogo. Iz issledovanij slavistov na Zapade. Moscow, 2002. P. 43—63.)
- [Гаврилина 2011] — *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 6. С. 75—83.
- (*Gavrilina L.M.* Kaliningradskiy tekst v semioticheskom prostranstve kul'tury // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2011. № 6. P. 75—83.)
- [Гофман 1996] — *Гофман Э.Т.А.* Майорат / пер. А. Морозова // Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 3. С. 39—110.
- (*Hoffmann E.T.A.* Das Mayorat. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Дмитровская 2014] — *Дмитровская М.А.* Коли муза Клио: история души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланер» // Новое литературное обозрение. 2014. № 128. С. 266—284.
- (*Dmitrovskaya M.A.* Koli muza Klio: istoriya dushi chelovecheskoj i istoriya narodov v romane Nikolaja Kononova "Flaneur" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 128. P. 266—284.)
- [Дмитровская 2016] — *Дмитровская М.А.* Икс, Игрок, Death («Амадеус» et al.: основания философско-художественной системы А. Скидана) // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 231—258.
- (*Dmitrovskaya M.A.* Iks, Igrek, Death ("Amadeus" et al.: osnovaniya filosofsko-khudozhestvennoj sistemy A. Skidana) // Kritika i semiotika. 2016. № 2. P. 231—258.)

- [Живковић 2010] — *Живковић Д.Р.* Типолошке поређење романа Милорада Павића и Умберта Ека и поетички и семантички аспекти интертекстуалности у романима *Име руже* и *Хазарски речник*: дис. Београд: Универзитет у Београду, 2010.
- (*Živković D.R.* Tipološke poređenje romana Milorada Pavića i Umberta Eka i poetički i semantički aspekti intertekstualnosti u romanima *Ime ruže* i *Hazarski rečnik*: dis. Beograd, 2010.)
- [Иванов 1977] — *Иванов Вяч.Вс.* Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 635—638.
- (*Ivanov V.V.* Ob anagrammakh F. de Saussure'a // Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniju. Moscow, 1977. P. 635—638.)
- [Кабел 1989] — *Кабел Ј.* Мотив двојника у «Хазарском речнику» Милорада Павића. Српска фантастика. Натприродно и нестварно у српској књижевности. Београд: Српска академија наука и уметности, 1989. С. 581—585.
- (*Kabel J.* Motiv dvojnika u «Hazarskom rečniku» Milorada Pavića. Srpska fantastika. Natprirodno i nestvarno u srpskoj književnosti. Beograd, 1989. P. 581—585.)
- [Михајловић 1992] — *Михајловић Ј.* Прича о души и телу. Слојеви и значења у прози Милорада Павића. Београд: Просвета, 1992 (https://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/jmihajlovic-dusa_telo.html (дата обраћања: 01.03.2019)).
- (*Mihajlović J.* Priča o duši i telu. Slojevi i značenja u prozi Milorada Pavića. Beograd: Prosveta, 1992 (https://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/jmihajlovic-dusa_telo.html (accessed: 01.03.2019)).)
- [Олах 2012] — *Олах К.* Књига-Бог. (Постмодерна) духовност у Хазарском речнику Милорада Павића. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012.
- (*Olah K.* Knjiga-Bog. (Postmoderna) duhovnost u Hazarskom rečniku Milorada Pavića. Beograd, 2012.)
- [Павич 1997] — *Павич М.* Хазарский словарь: Роман-лексикон. Мужская версия / пер. Л. Савельевой. СПб.: Азбука — Терра, 1997.
- (*Pavić M.* Hazarski rečnik. Roman-leksikon u 100 000 reči. Saint Petersburg, 1997. — In Russ.)
- [Поленакловић 2007] — *Поленакловић Х.* Турските елементи во ароманскиот. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007.
- (*Polenaković H.* Turските elementi vo aromanskiot. Skopje, 2007.)
- [Полякова 2018] — *Полякова И.А.* Коллекционирование природных образцов янтаря в Пруссии XVI века // Коллекция в пространстве культуры: матер. междунар. конф. Калининград: Калинингр. обл. музей янтаря, 2018. С. 71—90.
- (*Poliakova I.A.* Kolektsionirovanie prirodnykh obrazstov yantarya v Prussii XVI veka // Kolektsiya v prostranstve kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Kaliningrad, 2018. P. 71—90.)
- [Ристовић 2015] — *Ристовић Ј.* Лов на истину/е кроз Хазарски речник // Поводом тридесет година от штампања романа Хазарски речник Милорада Павића (1984—2014). Нови сад: Универзитет у Новом Саду, 2015. С. 168—174.
- (*Ristović J.* Lov na istinu/e kroz Hazarski rečnik // Povodom trideset godina ot štampanja romana Hazarski rečnik Milorada Pavića (1984—2014). Novi sad, 2015. P. 168—174.)
- [Алексић 2009] — *Алексић Т.* National definition through Postmodern fragmentation: Milorad Pavić's Dictionary of the Khazars // The Slavic and East European Journal. 2009. Vol. 53, № 1. P. 86—104.
- [Benzing 1957] — *Benzing J.* Daubmann, Hans // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker & Humblot, 1957. Bd. 3. S. 525.
- [Blacker 2015] — *Blacker U.* Writing from the Ruins of Europe: representing Kaliningrad in Russian literature from Brodsky to Buida // The Slavonic and East European review. 2015. Vol. 93, № 4. P. 601—625.
- [Bonnant 1969] — *Bonnant J.* Les index prohibitifs et expurgatoires contrefaits par des protestants au XVIe et au XVIIe siècle // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1969. Vol. 31, № 3. P. 611—640.
- [Cvetanović 2002] — *Cvetanović I.V.* The search for Pre-Adam: the mythopoeic dimension in Dictionary of the Khazars, by M. Pavić. Ph.D. thesis. Chicago: Graduate College of the University of Illinois, 2002.
- [Gaál 2015] — *Gaál X.* The city of K. (Königsberg / Kaliningrad) as a cultural phenomenon: cultural memory, the myth and identity of the city // Postcolonial Europe?: Essays on post-communist literatures and cultures / Ed. by D. Pucherova, R. Gáfrík. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 243—259.
- [Guzowski 2002] — *Guzowski P.* Pierwszy polski indeks ksiąg zakazanych // Studia Podlaskie. 2002. T. 12. S. 173—202.
- [Herder 1782] — *Herder J.G.* Vom Geist der Ebräischen Poesie. Eine Anleitung für die Liebhaber derselben, und der ältesten Geschichte des menschlichen Geistes. Deßau, 1782.
- [Kilaberia 2003] — *Kilaberia R.* Postmodern fundamentalism or vice versa: Milorad Pavić's "Dictionary of the Khazars". M.A. thesis.

- Eau Claire: The University of Wisconsin — Eau Claire, 2003.
- [Köbler 1995] — *Köbler G.* Etymologisches Rechtswörterbuch. Tübingen: Mohr, 1995.
- [Körber 1998] — *Körber E.-B.* Öffentlichkeiten der frühen Neuzeit. Teilnehmer, Formen, Institutionen und Entscheidungen öffentlicher Kommunikation im Herzogtum Preußen vom 1525 bis 1618. Berlin; New York: de Gruyter, 1998.
- [Kremer 2009] — E.T.A. Hoffmann. *Leben — Werk — Wirkung* / Hrsg. D. Kremer. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009.
- [Lea 2010] — *Lea H.Ch.* A History of the Inquisition of the Middle Ages [1888]. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 2.
- [Leitner 1994] — *Leitner A.* Das Historische und das Fiktive im "Chasarischen Wörterbuch" von Milorad Pavić. Dissertation. Klagenfurt: Universität Klagenfurt, 1994.
- [MacKenzie 1971] — *MacKenzie D.N.* A concise Pahlavi dictionary. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1971.
- [Mączyński 1564] — *Mączyński J.* Lexicon Latino Polonicum ex optimis Latinae linguae Scriptoribus concinnatum, Ioanne Maczinsky Equite Polono interprete. Regiomonti Borussiae: Typographus Ioannes Daubmannus, 1564.
- [Musekamp 2019] — *Musekamp J.* Big History and Local Experiences: Migration and Identity in a European Borderland // Mapping Migration, Identity, and Space / Ed. by T. Linhard, T.H. Parsons. Palgrave Macmillan, 2019. P. 55—84.
- [Pavić 1997] — *Pavić M.* Hazarski rečnik. Roman-leksikon u 100 000 reči. Ženski primerak. Beograd: Dereta: Prosveta, 1997.
- [Sanjosé 1993] — *Sanjosé A.* Literatur der Reformationszeit in Ost- und Westpreussen. Oberschleissheim: Institut für Landeskunde Ost- und Westpreussens, 1993.
- [Saunders 2019] — *Saunders E.* Kaliningrad and Cultural Memory. Cold War and Post-Soviet Representations of a Resettled City. Oxford: Peter Lang, 2019.
- [Sembrzycki 1890] — *Sembrzycki J.* Die Reise des Vergerius nach Polen 1556—1557, sein Freundeskreis und seine Königsberger Flugschriften aus dieser Zeit // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg i. Pr.: Ferd. Beyer Buchhandlung, 1890. Bd. 27. S. 513—584.
- [Vergerio 1556] — *Vergerio P.P.* Catalogus Haereticorum. Regio Monte Borussiae: J. Daubmannus, 1556.
- [Wachtel 1997] — *Wachtel A.* Postmodernism as Nightmare: Milorad Pavić's Literary Demolition of Yugoslavia // The Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41, № 4. P. 627—644.